

АЛЛА ВОЛОГЖАНИНА

КОФЕЙНАЯ
ВЕДЬМА

От автора популярной серии «Трилуние»

Ключ от послезавтра

Алла Вологжанина

Кофейная ведьма

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)

Вологжанина А. Ю.

Кофейная ведьма / А. Ю. Вологжанина — «АСТ», 2018 — (Ключ от послезавтра)

ISBN 978-5-17-111704-7

Гадая на кофейной гуще, Саша Фербер не столько предсказывает клиентам будущее, сколько поддерживает добрым словом. Впрочем, говорят – сбывается. Однажды ее простая и почти счастливая жизнь превращается в сплошное волшебство: разбитые кружки становятся фарфоровыми феями, глоток кофе приводит в таинственные ведьмовы коридоры, где струятся потоки кофе и шоколада, а чувства людей парят вокруг в виде звезд и туманностей. Кофейная ведьма может изменить эти чувства и весь мир заодно. Но дикий и голодный беглец из Небытия, неживой ведьмак, вышел на охоту за юной ведьмой и готов уничтожить всех и каждого, кого любит Саша, чтобы у нее не осталось никого. Только он. Что делать Кофейной ведьме Саше Фербер? В опасности ее дедушка и бабушка, ее подруга, ее первая любовь. Или они... опасны сами? Кофейная гуща, подскажи. В решающий миг – не дрогни, рука.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-111704-7

© Вологжанина А. Ю., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алла Вологжанина

Кофейная ведьма

© Алла Вологжанина, 2018

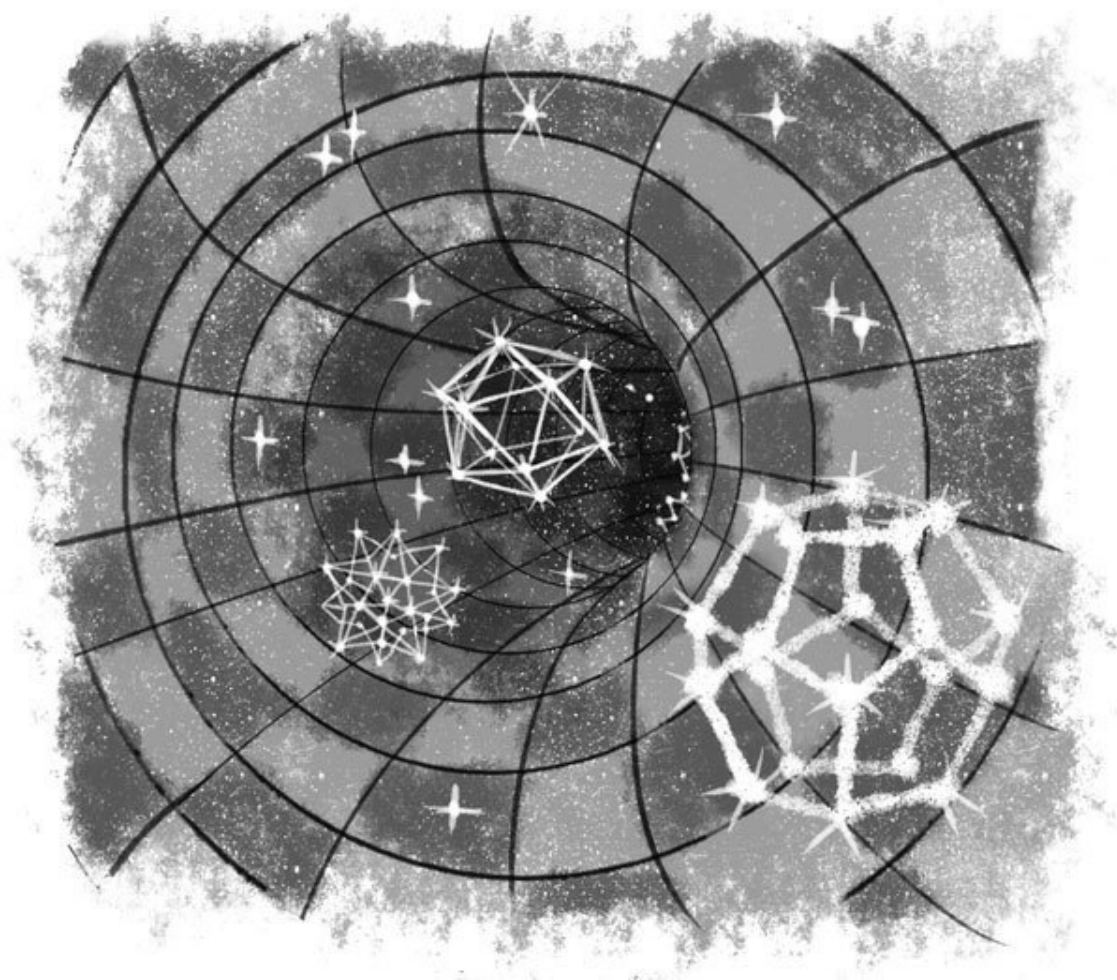
© Алиса Перкмини, иллюстрации, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Алла Вологжанина – автор популярной детской серии «Трилуние» и новой детской повести «Кофейная ведьма».

Пролог

Однажды все изменилось.

Когда он совсем озверел и одичал от одиночества, Небытие всколыхнулось. И где-то совсем рядом и в то же время бесконечно далеко забрезжил проход. Он устремился туда.

Это неправда, что в Небытии ты теряешь себя, становясь лишь неразумным, бесчувственным, бездушным сгустком силы... *Былой* силы. Вовсе нет. В каком-то смысле, все, что остается от тебя, – это душа, чувства и разум. И способность осознать страшный в своей неоспоримости факт – тебя больше нет. А мир – есть. И все живое в нем – есть.

Поэтому, когда тонкая и бесконечно прочная стена между Бытием и Небытием вдруг оказалась дверью, он не мог упустить шанса. Удивительно, что только он. Впрочем, он настолько привык к одиночеству, что на самом деле не удивился. Просто фигура речи. Речи, которую он вновь обретет вместе со всем, что имел когда-то, как только...

Дверь в Бытие не распахнулась приветливо перед ним. Это и дверью-то нельзя было назвать. Так, лазейка, крошечная крысиная норка, жалкая червоточина. Жадное Небытие не желало выпускать добычу, поэтому даже такая крошечная дырочка оскалилась, словно пасть хищного зверя. Лязгнули несуществующие клыки. Шваркнули по его несуществующей коже, оставляя несуществующие, но все равно болезненные раны, выхватывая клочья его призрачной плоти.

Выдираться в Бытие оказалось больно. Ну что ж, это же, по сути, рождение. А оно, как и все в мире, – боль. Рождение – боль. Смерть – боль. И лишь между ними кратким мигом и

бесконечностью разливается безумная сладость. Которую не ценишь, пока ощущаешь на собственном языке. Сладость *быть*.

Он вдохнул полной, хоть и все еще бесплотной грудью. Мир изменился. И дело было не в миллиардах людей, заселивших миллионы городов и деревень. Не в технике и не в скорости, с которой все проносилось мимо (и сквозь!) выходца из Небытия. Мир изменился куда глобальнее, чем это казалось его обитателям.

Мир опутывали и пронизывали совсем другие сети. Люди привязывались к другим, непривычным вещам. Другие вещи наделяли волшебством. Пели другие песни своим детям, да и значение им придавали уже совсем не то, что в былые времена.

Неизменным было одно.

Все в мире по-прежнему делилось на живое и мертвое. И лишь эти две противоположности пребывали в единстве и борьбе. Ничего другого.

Он вздохнул. Медленно, но верно, к нему возвращалась физическая способность чувствовать. И какое-то из чувств подсказывало – времени мало. Бесплотным духам не место среди живых существ. Не хочешь естественным путем низвергнуться обратно в Небытие? Разущи того, кто открыл проход и померяйся с ним силами. Кажется, это чувство звалось интуицией. Или просто памятью. Что бы то ни было, оно шептало – времени мало...

Но «мало» не означает «нет совсем».

И эту малость можно потратить на то, чтобы вновь ощутить себя живым и могущественным.

Он раскинул руки... всего себя раскинул, весь обратился в одно лишь восприятие и вобрал в себя шум моря и ветра, шорох песка, сыплющегося сквозь корни вековых сосен, прорвавшие землю. Каменный город на берегу. Острова и мосты. Дворцы, закладку которых он не помнил. Ведь дворцы смотрели на темную реку не так долго, как он метался в Небытии. Дома-ульи, в каждом из которых ютился человеческий рой. Жилища, едва ли более долговечные, чем их обитатели. Лодки на пристани, парк на берегу.

Откуда-то совсем рядом раздался знакомый зов. Не звук, не отзвук, а сладкая, томительная тяга... туда-туда, в особые, ведьмачьи, слои пространства. Где чувства и помыслы – истинны. Где лишь Жизнь и Смерть имеют значение, и лишь они едины в вечной борьбе. Совсем рядом раскинулась... нет, раскидывалась прямо сейчас ведьмова Сеть. Пока еще слабая, какая-то робкая и зыбкая. Но соединяющая живых людей. Теплых. Дышащих. Существующих. Что это была за сеть? Что связывало этих людей? Какие вещи или дела? Непонятно и неважно. Разберется потом. Когда разыщет того, кто приоткрыл дверь из Небытия. Пора-пора... вот только еще раз прикоснуться к ведьмовой Сети, заглянуть в окно, за которым кто-то неумело, но с любовью пытается творить волшебство.

Он стал ветром, смешался с морским воздухом и втянулся в открытое окно. И на миг забыл про Сеть, про бытие и его противоположность. Забыл даже о том, что бесплотен и почти бездушен. Он рухнул как обломок скалы в океан. Рухнул во взгляд первого за долгие века человеческого существа на своем пути. Этот взгляд был так светел, что карий цвет глаз не сразу считывался. И в нем было столько тепла и одновременно тоски, что беглецу из Небытия еще сильнее захотелось стать живым. Сесть рядом, взять из рук этой худой и безумно красивой девушки... девочки громадную чашку с напитком, выглядевшим смолой и пахнувшим почти как смола. И сказать что-то... что? Неважно. Но что-то живое. Чтобы в светлых глазах больше не плескалось одиночества. Чтобы в них ничего не плескалось. Не искрилось. Не существовало.

Кроме его отражения.

Чтобы в ней не осталось ничего. Ни памяти, ни тоски, ни света. Только он. Только он.

Морской ветер, которым он стал, коснулся ее лица. Чуть подталкивая, раздувая ведьмину искру, готовую вот-вот разгореться в пламя. Она что-то почувствовала. Что-то, чего не умела

назвать. Да и нечего там было называть – просто отголоски чужого сна, на выдохе принесенные и тут же забытые как... как сон. Чужой сон.

Сон из Небытия.

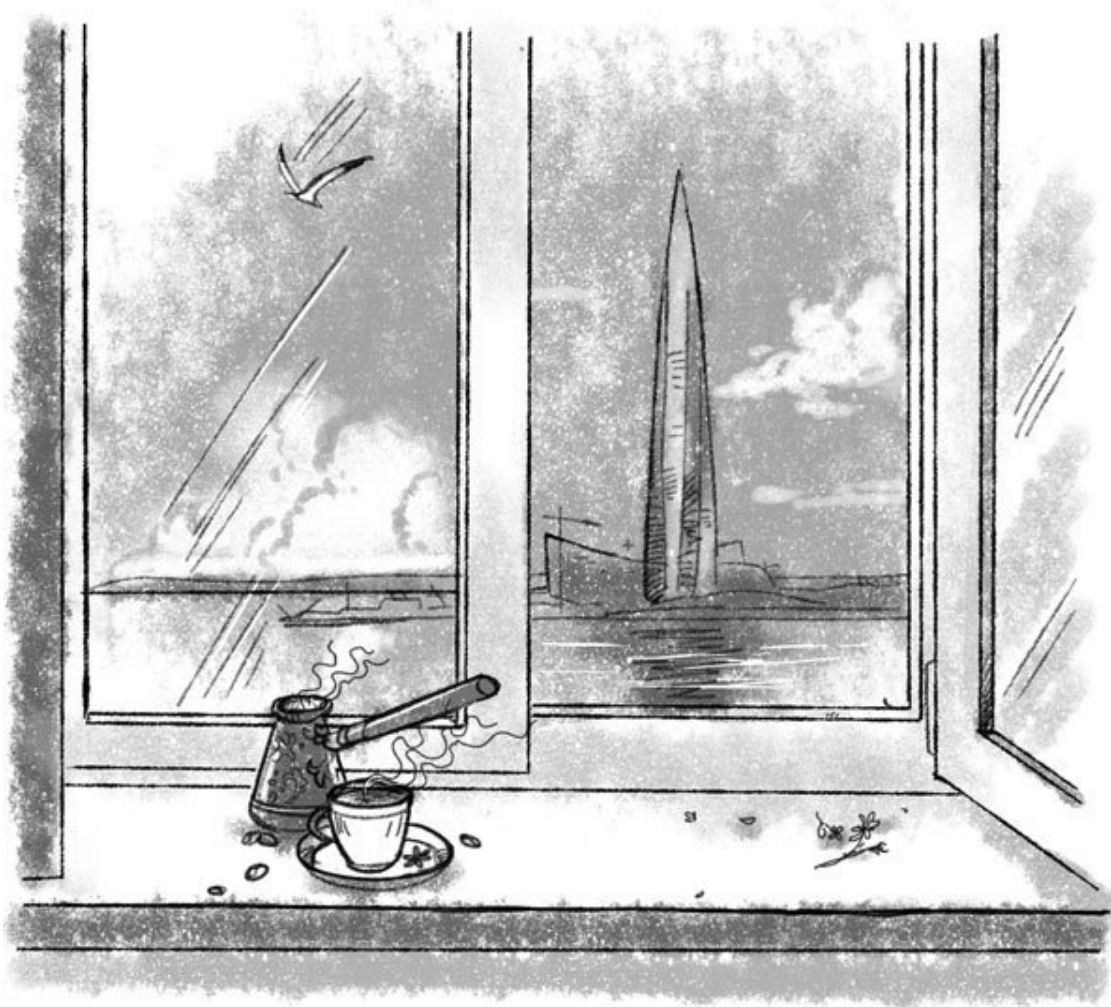
О, он был страшным существом, пока не погряз в Небытии. А сейчас вся его страшность и вся его сущность стянулись в одну точку. На странную тесную кухню, где юная светлоглазая уже-почти-ведьма плела Сеть, сама того не подозревая. Что ж, скоро этот мир оплетут совсем другие сети. Те, о которых здесь уже забыли... Жди меня, ведьма.

На секунду ему показалось, что он произнес это вслух. Разумеется, всего лишь показалось. А потом он сам стал секундой. Микроскопической долей секунды, микроскопической долей вещества, сжался, сконцентрировался и метнулся туда, где его ждал глупец, открывший дверь в Небытие. Что ж... его сила и память весьма пригодятся тому, кто из бесплотного недосущества готов стать сильнейшим из ведьмаков Сети. И сыграть в вечную игру.

И как о страшном сне забыть о пустоте.

И об одиночестве забыть.

Глава 1

– Трагедия произошла во дворе одной из высотных новостроек Санкт-Петербургского района «Парнас». После внезапной смерти трехмесячного ребенка скоропостижно скончалась сорокалетняя жительница Северной столицы. Прибывшие по вызову прохожих наряд полиции и скорая констатировали обширный инфаркт.

Жуть какая. Сашка выключила телевизор. Просто сменить канал ей показалось недостаточным. Нормальных новостей у них нет? Бр-ррр...

Неужели с этого короткого циничного сообщения все и началось? Ну уж нет! Пусть не с него! Пусть с фей, которым Сашка сгоряча хвосты накрутила, то есть прикрутила. Хорошо бы. Но на самом деле – тоже нет. Стартовым событием стало то, чего она боялась сильнее смерти и десятка стоматологов при исполнении, – ее назвали обманщицей и шарлатанкой. Причем... заслуженно.

Ладно бы – клиентка обрушилась на юную гадалку. Ничего подобного! Дедов странный ассистент, с которым она и двух слов-то не сказала, кроме «привет-пока».

До сих пор его присутствие в квартире Сашу вообще не касалось. В принципе, разумное дело – в квартире шесть комнат. Дед Леша – дизайнер. Он превратил одно из помещений в рабочую студию. Почему бы не поселить помощника в пустующей комнате, если он все равно каждое утро как на работу приезжает? То есть без всяких «как» – на работу и есть. Официаль-

ную, между прочим, не левую подработку. А так – будет еще и по выходным маячить, компанию составлять. Тем более что Серый был студентом, то есть не намного старше самой Сашки.

Она по-честному не имела никаких возражений против компании. А если бы имела, то все равно не высказала бы – она была мягкая порой до бесхарактерности. И дружелюбная, разве что иногда ехидная. Идеальная соседка, с которой можно кофейку попить, за жизнь поболтать, книгами обменяться. Но компании не сложилось. От Серого (на имя Сергей он не отзывался, как будто не к нему обращались) прямо-таки веяло неуютом каким-то. Напряженной готовностью к... к чему? К бою, иначе и не скажешь. Не к банальной драке, а к бою.

Прозвище «Серый» ему тоже ужасно не шло. Подошло бы «Карий», да только подходящего имени в природе не существовало. А жаль. Потому что этот парень был какой-то весь... рыже-коричневый. Загорелый, с волосами цвета красных кирпичей, зеленовато-кариими глазами. Да еще и ходил в неизменно потертой кожаной одежде. Вроде штаны-куртки-безрукавки были разными, но всех оттенков одного, весьма скучного цвета – коричневого. Рыжие, кирпичные, терракотовые... и кофейные тоже, да. И покроя такого... ну... того и гляди лук из-за плеча выхватит и начнет по атакующим оркам стрелять. Дизайнер, забодай меня дракон, подумала Сашка при первой встрече.

В самом деле – походил бы Серый на ролевика, но почему-то даже при самом беглом взгляде на него становилось понятно – он в игрушки не играет, у него всё по-настоящему. Вот только что это – «всё»?

Готовность к бою. Уж точно не свойственная парням из мира моды. Во всяком случае, в Сашином представлении.

Он и к Сашке со словами «Обманщица. Шарлатанка» подошел так, будто из засады выскочил. Хотя всего-то с кухонного балкона шагнул в помещение. Принадлежащее, кстати, ее, Сашкиным, предкам. Причем вовсе не далеким.

Сама Сашка оказалась у бабушки и деда тоже из-за студенчества. Грядущего. То есть из-за школы, конечно. В Питере они лучше, чем в их глухой провинции, в универ нормальный попасть больше шансов.

Угу, официальная версия.

Реальность оказалась богаче на события. Мама водворила Сашку в одну из гулких пустующих комнат под присмотр бабушки Маши и деда Лешки. Расцеловала и обещала очень скучать. А через месяц рванула на очередные поиски себя, гармонии и счастья в личной жизни... аж в Аргентину. И торчала там уже без малого два года. Звонила, конечно, часто. Ну... раз в неделю – это же довольно часто, ага? Говорила, что скучает по дочке сильно. Казалось бы, скучаешь – забирай с собой... Но – нет. В качестве компенсации баловала ее карманными деньгами. Видимо, «счастье в личной жизни» оказалось не бедным и не жадным.

Это в принципе делало ее жизнь не просто хорошей, а замечательной. Для «просто хорошей» хватало бабушки и деда. Они обожали Сашку, ничем не ограничивали ее свободу, кроме легких намеков на не всегда сделанную домашку. Но... но обидно было все равно до ужаса. Не могла умная девочка не понимать того, что мама стряхнула ее как балласт, мешающий вести интересную и насыщенную жизнь. А девочка-балласт в силу собственной мягкотелости и неконфликтности не могла даже скандала толкового закатить – типа, что за дела, мама дорогая, бери меня с собой, а не то!!! А не то я ирокез сделаю, брови прокалю и вообще убегу из дома. Вот.

Не умела она так. Зато умела относиться ко всем и всему с пониманием. И обиды лечить своими собственными способами. Было в Сашкиной жизни огромное увлечение. Оно же – любовь и, возможно, дело всей ее будущей жизни.

Она обожала кофе.

Сколько себя помнила – на запах его могла идти, как загипнотизированная. Годика в два прибегала из кровати на мамину утреннюю чашку – сонная, взъерошенная, в пижаме.

Взбиралась на колени, лезла носом туда-туда-туда, где за белой границей фаянса плескался черный, горячий, ароматный океан.

Тогда ей, конечно, кофе пить не разрешали. Но два года назад бабушка Маша внимательно всмотрелась в Сашкино бледное личико и взялась за тонометр – давление ей померяла.

– Да ты, радость моя, гипотоник, – сказала она. Покачала головой и добавила: – С возрастом пройдет, конечно. А пока пей свой кофе, только умоляю, не перебарщивай.

И Саша с радостью пила его. И варила. Моментально разобралась – сколько сыпать зерен, сколько делать оборотов ручной мельнички. Или сколько секунд держать палец на кнопке электрической кофемолки. Как варить, как разливать... а потом купила термос и взяла с собой в школу свой «эликсир жизни».

В школе за Сашей с первых дней учебного года закрепилась репутация фрика. Но к такому милому, симпатичному и добродушному фрику отношение было соответственное. Иногда поддразнивали, но никогда не обижали. Иногда просили кофе глотнуть, иногда угощали шоколадками. Иногда давали скатать домашку, иногда кричали – спасай-выручай. Все как у всех, разве что близких друзей-подруг не завелось, романтических привязанностей (не считая кофе) не возникло.

А потом случилось вот что.

Полинка Рязанцева – не главная звезда, но и не серая мышка – пришла в школу зареванная и едва увидела Сашу, рванула к ней через весь коридор.

– Фербер! – закричала она издали. – Сашка, подожди меня!

Сашка остановилась. Полина чуть не сбила ее с ног. Она была не больше и не меньше, чем просто одноклассницей. С чего бы вдруг такой напор?

– Погадай мне! – выпалила та, не понижая голоса и не обращая внимания на народ в коридоре.

– Что? – опешила Саша. – Ты чего, Польша? Я не умею.

– Да не ври, все ты умеешь! Постоянно по уши в кофейной гуще сидишь. А мне очень надо!

И, глядя на покрасневший Полин нос, на круги под глазами, Сашка мысленно обругала свою уступчивость и неумение сказать «нет». А вслух ответила:

– Э... ну смотри, я тебя предупредила. Если что не так, сама будешь виновата, – она вытащила из рюкзака термос и открутила крышечку, на ходу соображая, есть ли там вообще хоть какая-то гуща – наливала-то через ситечко.

– Вкусно! – Полинка глотнула кофе. – С корицей, да?

– Угу, а еще с кардамоном... – Сашка вытащила блокнот, а из него вырвала нелинованный лист. – Ты учти, я только в кино видела, как это делается. Это вместо тарелки будет. Давай вытряхивай сюда все, что осталось.

Рязанцева послушно затрясла крышечкой термоса. Что-то там оставалось, но скорее капли напитка, чем крошки гущи.

– Давай еще, – скомандовала Саша, набулькивая следующую порцию, – может, с будущим не сложится, но день сегодняшней точно наладится.

Отдавать команды и видеть, как их послушно выполняют, оказалось приятно. Одноклассница то ли хмыкнула, то ли носом шмыгнула, залпом проглотила новую порцию кофе и вытряхнула остатки на блокнотный лист. – Еще. – Саша потянулась было термосом к крышечке в Полиной руке, но... – Ого! Полинка, я гадать как не умела, так и не умею, но тут же все таким прямым текстом выложено, что и дурак прочтает!

– Видимо, я не дура, – хмыкнула та. – По мне так пятно на пятне. Читай, давай.

Насчет пятна на пятне она была права. Но эти кляксы-разводы складывались в совершенно четкую картину – треугольник, в каждом углу по человеку. По нему проходила трещина

или, может быть, разрыв. Две вершины разделялись, но до третьей разрыв не доходил. Сашка набрала воздуха в легкие.

– Наверное, это расставание. Двое расстанутся, а третий... а третьего это вроде как не касается, но вот-вот коснется, потому что эта линия, – она показала на разрыв, – вот-вот до него дойдет.

– Точно расстанутся? – Глаза Поли расширились, в них заблестели слезы. – И точно коснется?

– Угу... – Пятна на листе были совсем свежими и еще немного «плыли», меняя очертания. Секунда, и линия дошла до третьей вершины. – Вот, уже коснулось. И сильно.

– Значит, разведутся, – замогильным голосом произнесла Рязанцева, обращаясь не к Сашке, а к воздуху перед собой. – Я-то думала, как обычно поругались. Спасибо, Фербер. Новости, конечно, поганые, но все же лучше с такими, чем от незнания и подозрения мучиться.

Полинины родители в самом деле вскоре развелись. И мама забрала дочку в Москву. Полина написала Сашке несколько сообщений во «Вконтакте», но дружбы между девочками так и не завязалось. Зато сначала с подачи Рязанцевой, а затем и просто с подачи друг друга, к Сашке повалили клиенты. И она оказалась чертовски хорошей гадалкой, хотя долго искренне считала себя ловкой, чуткой и догадливой шарлатанкой. Не то чтобы Саша так уж пудрила клиентские мозги, гадая на кофейной гуще. Скорее, наоборот – обычно она смотрела на говорящие пятна и ландшафты на блюдечках и вдохновенно несла то, что подсказывал дуэт воображения с интуицией. И ведь работало! Сашка почти совсем перестала удивляться горячим благодарностям в «личке» и по СМС, почти совсем поверила в свои предсказательские силы. Два года, в конце концов, для шестнадцатилетней гадалки – ого, какая карьера!

А еще она окончательно укрепилась в своих планах – поступить в скромный универ, выучиться на товароведа, да еще бухгалтера какого-нибудь, заработать на гаданиях стартовый капитал и открыть лучшую в городе кофейню. Это ли не счастье? Оно самое.

Так и шло до тех пор, пока Серый не наехал на нее, типа, обманщица. Да еще хвостатые феи случились. А дальше понесся снежный ком...

– Раствори свою тоску, – мурлыкала Сашка, палочкой вороша песок в жаровне, – и отдай ее песку. Черный, словно ведьмы кровь, кофе будет вмиг готов...

– Это заклинание? – поежилась клиентка. Нервная, красивая женщина, с виду чуть постарше Шашиной мамы аккуратно пристроилась на краешке табурета, вздрагивая от каждого шороха. А их было предостаточно на старой кухне с хриплыми механическими часами, булькающей ароматической лампой и ветром, гуляющим по позапрошлогодним пучкам душицы и связкам перца.

Сама гадалка забралась с ногами на кухонный диванчик, натянула на колени длинную уютную юбку. Зато плечи, наоборот, выставила из выреза толстого шерстяного свитера (связанного, между прочим, дедом Лешей, у кого еще такой дед найдется а?). На плечах еще остался летний загар, и светлые волосы сильно с ними контрастировали.

Сегодня Сашка чувствовала себя чертовски красивой и эффектной, даже немного расстроилась, что гадать пришлось клиентке, а не клиенту. Нравиться ей очень нравилось. А кому не понравится, в шестнадцать-то лет, из которых пятнадцать с лишним была никакая, простая как яйцо. Совсем недавно Сашка почувствовала, что вылупилась из него... не то чтобы райская птица, но вполне себе пташечка-милашечка. Никак на гадалку-кофейницу не похожая – светленькая, кареглазая, загорающая в теплый янтарный оттенок.

– Можно сказать, что заклинание. – Сашка улыбнулась не клиентке, а распахнутому окну, морю, запаху кофе, камням и крикам чаек. Собственному своему микрокосмосу, где в окна рвался холодный балтийский воздух, а раскаленные в песке медные джезвы, казалось, шипели от соприкосновения с ним. Все же большое везение жить окнами на залив, когда в десяти метрах от подъезда начинается парк, а в двадцати – собственно, море.

– Вообще-то я не люблю кофе, – извиняющимся тоном сказала клиентка.

– Главное, что я люблю, – Сашка рассмеялась, – я люблю, а вам польза. К тому же, смотрите, красота какая!

Над джезвами («турками») как раз поднимались плотные шапочки кофейной гущи, а под ними гулял-бурлил черный вулкан горечи, остроты и сладости. Гадание-гаданием, заработок-заработком, но Сашка была готова смеяться, а то и в пляс пускаться от одной только мысли о том, что происходило в джезвах, от мысли о том, что еще миг, и его... его можно будет пить.

Ложку бариста она использовала простейшую из простых – солнечно-медную, без наворотов. Просто лепесточек металла на тонкой длинной ручке. Эта простота саму девочку завораживала и клиентов заражала. Ложка была одновременно и продолжением Сашкиных пальцев, и самостоятельно живущим существом-веществом. Можно сказать, сама взламывала кофейную шапочку на джезве и размешивала кофе. А Сашка – так, видимость собственного участия создавала...

А вот ситечки в кофейно-гадальном деле были помехой, это она уяснила давным-давно. Все содержимое джезвы – до капли, до крупинки – стало содержимым чашки. Сашка протянула клиентке ее порцию. Ухватила вторую джезвочку, вынула ее из песка и булькнула все, что было, в свою чашку.

– Это очень вкусно! – сообщила она клиентке. – Когда гадаю, всегда пользуюсь случаем лишний раз кофейку глотнуть. Просто сделайте так же.

Одна джезва, сваренная в песке то ли по-турецки, то ли по-арабски, равнялась одной чашечке для эспрессо. Сашка выпивала такую в три глотка, а потом опрокидывала на блюдце. Так и сейчас сделала, подавая пример своей нервной гостье.

На секунду с лица дамы сбежало запуганное выражение. И для человека, не любящего кофе, она очень, просто очень-очень быстро расправилась с содержимым чашечки. Да еще и гущу в блюдце перекинула так, словно каждый день начинала с подобных упражнений. Прямо из дому не выходила без хорошего прогноза от кофейной гущи.

Сашка всмотрелась в черноту гущи на белом фаянсе. А клиентка – в Сашу. Взгляда ее она не перехватывала, но почувствовала. Прямо точка посередине лба задымилась, честно говоря.

Сашка набрала воздуха в легкие, чтобы вернуть его атмосфере в длинном остроумном монологе... Но чуть не подавилась.

Кофейная гуща не сложилась в рисунок. Ни в понятный, ни в замудренный, ни в непригодный для интерпретации. Вообще ни в какой. Сашка с законами физики не особо дружила, но ясно понимала одно: сейчас они нарушались. Кофейная гуща ровным тонким слоем – в одну крупинку – покрыла все блюдце. Этого быть не могло. Но это было.

Острый взгляд клиентки прожигал гадалке лоб.

И Сашка быстренько приняла решение.

– Как странно и интересно, – сообщила она, поеживаясь. Все же голые плечи в конце октября и на сквозняке – решение для не слабонервных модниц. – Как странно и интересно. Такая долгая жизнь...

Что ее потянуло за язык? Черт знает что... Но почему-то она не смогла сообщить даме, что судьба ее не читается. Вместо этого она сделала новый глубокий вдох и...

– Такая долгая жизнь, что ее завершение теряется где-то далеко-далеко, – затараторила она, как будто отвечала у доски и вспомнила зазубренный абзац, жаль не тот, что требовался. – Ни болезней, ни потерь, только непрекращающийся подъем. Медленный, медленный, но очень верный путь наверх. – Так, а теперь, чтобы слишком сладко не было, добавим: – Вот только не похоже, что вам этого хочется. Скорее всего, этот подъем – вынужденный.

– Поиск? – уточнила клиентка.

– Может быть. – Сашка мотнула головой, светлые волосы закрыли озябшее плечо. – Только не думаю, что в контексте такой долгой жизни цель всегда будет одна. Смотрите, – и

указала пальцем на... да просто на произвольную точку на блюде, – вас ждут странные перемены. Не мешающие пути наверх, но кардинально меняющие всю жизнь. Что же это? – Сашка поймала взгляд клиентки, пытаюсь вычитать в нем хоть какую-то подсказку. Тщетно. И продолжила: – Что вы смените? Страну? Мужчину? Да, скорее всего, тут дело в любви.

Вообще-то она избегала рассуждать о том, в чем пока не разбиралась. Но тут язык сильно обогнал мысли.

– Стоп-стоп, – клиентка вытянула вперед ладонь, словно защищалась, – может, дело в чем-то... более серьезном? Во власти, например? Влиянии?

Ах вот оно что!

В доброй и покладистой Сашке иногда просыпалась вредность – примерно как хорошая щепотка красного перца в сладком кофе. Влияния захотелось! Надо же чего выдумала!

– Нет, – уверенно брякнула она, – власть тут совершенно точно ни при чем. Более того, вы вот-вот потеряете даже ту малость, которой сейчас располагаете. То ли в пользу основного конкурента, то ли нового игрока, но...

– Хватит! – почти вскрикнула дама. И хлопнула по столу ладонью. Сашке показалось, что в кухне словно... антивспышка антисвета случилась – тьма сгустилась на такой короткий миг, что сознание не успело ее зафиксировать.

– ...но и это не помешает пути наверх, – испуганно закончила девочка. И зачем-то добавила: – Может, ваш путь закончит кто-то другой... дети, например. Или эти... как их... премники.

– Вот теперь точно хватит! – вскинулась клиентка. – Сколько я вам должна? Впрочем, неважно!

И она протянула Саше красную пятитысячную купюру.

– Не провожайте меня. – У нее явственно дрожал голос. – И сдачи не надо.

– Я и не собиралась...

Но клиентка смоталась так быстро, что Сашка не успела больше ничего сказать. Например, что не собиралась сдачу искать, еще чего. Гадалка она или нет? Ох, сегодня болтунья пустопорожняя, но вообще – гадалка, да еще какая!

– Обманщица.

Голос раздался прямо над ухом. Сашка так перепугалась, что не сразу сообразила, что вообще-то за ней находится балконная дверь. Кухня была угловым помещением. Окно выходило на парк и залив, а балкон... тоже. Просто выход на него был в другой стене. И сейчас в дверной проем красиво вписался Серый. И смотрел на Сашку очень сердито.

– Шарлатанка.

– Угу, я думала, ты знаешь два слова, – огрызнулась она, – «здрасьте» и «пока». А оказывается, все четыре. Да ты крут.

Но ее наезд растворился, как сахарная крошка в горячем капучино. Серый обогнул стол и навис над ней, вынуждая отодвинуться.

– Ты чертова лгунья, – сказал он, как-то особенно сердито буравя Сашку своими пестрыми зелено-желто-коричневыми глазами. – Ты же не смогла прочитать ее судьбу. Я смотрел на тебя, по лицу твоему видел, что не смогла. Вот только откуда ты знала, что она действительно в поиске и на опасном пути?

Сашке вдруг стало смешно. Что за кино развел, ей-богу. Даже не кино, а театр – пафос можно мазать на хлеб толстым слоем и на завтрак лопать.

– Серый, ты чего несешь? – миролюбиво спросила она. – Ну, сказала я ей про поиск. Все же люди чего-нибудь да ищут, тебе-то что? Как умею, так гадаю. Ну, прости, если тебя не устраивает мое предсказание чужой судьбы.

Серый оперся локтями о стол, подался вперед.

– Нет. У нее. Никакой. Судьбы, – размеренно проговорил он. – И ты это видела.

– Как это нет судьбы? – удивилась Сашка. – Судьбы у нее нет, а поиск есть? А он, надо понимать, к судьбе не относится? Вот уж точно, прости, бред собачий.

Серый отшатнулся, прищурился и всмотрелся в Сашу, как будто пытаясь понять, дурит она ему голову или в самом деле считает отсутствие судьбы бредом.

– А ты себе гадать не пробовала? – вкрадчиво спросил он. – А давай-ка попробуем. И мне погадай. Давай-давай, я джезвы помою, а ты жаровню разжигай.

– С ума сошел... не надо их мыть. Вон, салфетками протри.

Жаровня для кофе на песке была гордостью Сашкиной коллекции. И ей захотелось по рукам Серому надавать, только чтобы он ни ее, ни джезвочки не трогал. Но не стала. Надо послушать и посмотреть. В гадании может пригодиться.

Кофе варили в молчании. Саша даже чуть не забыла размешать его, прежде чем наливать. Первый глоток был пенным и таким горячим, что вкуса почти не было. Второй – ароматным. Собственный аромат кофе, не приукрашенный специями, не смягченный сахаром, не подбалованный молоком... Третий был горьким. С предупреждающим скрипом гущи на зубах – мол, хватит наслаждаться, пора с будущим разговаривать.

– Переворачивай, – сказал Серый.

– После тебя, – фыркнула Сашка. Не вся вредность израсходовалась. Да еще возмущение накатило. С чего вдруг этот леголас недоделанный командует ей на ее же кухне?.. Ну, пусть на дедовой, но это мелочи. Дед-то ее.

– Давай вместе, – развеселился вдруг Серый. – Раз, два... эй!

Вот тут уж тоже было делом чести махнуть первой – обжигающее, продирающее до клеточного уровня варево. Парень только головой покачал. Мол, дитя-дитем...

– На, смотри! – Сашка торжествующе хлопнула ладонью по столу. Вчитываться в собственную судьбу ей не хотелось... Бы. Если бы она сама по-настоящему верила в свои гадания. Достаточно было и того, что кофейная гуща не растеклась ровным слоем по блюдцу. Не пошла, значит, против законов физики, логики и против доводов разума тоже.

– А вот это странно. – Серый поставил блюдец на стол. – У ведьмы, знаешь ли, не должно быть судьбы. Но только ведьма может увидеть чужую судьбу. Или ее отсутствие. А если ты не ведьма, то не можешь. Но ты увидела. И скрыла это! За-чем? – Он вдруг сощурился и так вперился взглядом Сашке глаза, что ей не то что не по себе стало... ей сделалось страшно, словно не на знакомой кухне, а в темном подземелье повстречала его. Или не его, а кого-то злобного, голодного и совершенно ненормального.

– Если ты что-то скрываешь, то советую перестать, – с расстановкой, выделяя каждое слово, проговорил он.

– С-серый... ты что, с цепи сорвался? – Саше ужасно захотелось забиться в уголок. – Наезжаешь, обзываешься...

– Хм. «Обзываешься». – Серый так проговорил это слово, будто прикидывал, к месту ли оно. – Да это меньшее, что я могу с тобой сделать, Саша. Или ты уже не Саша?.. Или ты никогда и не был Сашей?

– Не был? Серый, да ты умом тронулся. Я деду скажу! – Сашка толкнула к парню его блюдечко, на которое он так и не вытряхнул кофейную гущу.

– Если сможешь. – Серый выбросил руку, как лягушка языком ловит муху. Только мухой оказалась Сашкина шея. Девчонка не то что отодвинуться, пискнуть и то не успела. Инстинктивно забила, но поздно – воздуха не стало вмиг, перед глазами поплыли черные пятна. Но сильнее физических ощущений оказалась паническая мысль: Господи, что он сейчас со мной сделает? Страх парализовывал разум, но тело в удущье действовало без команд от этого паралика. Нога дернулась, толкнула стол. Серый на секунду ослабил хватку. Сашка пнула стол, уже почти соображая, что делает. Край стола врезался парню в живот. Ему вряд ли было больно, но Сашке перепала секунда на вдох. Или чуть больше. Она сипло втянула ртом воздух,

горло отозвалось болью. Вернее, не отозвалось – больно было все время, только на глубоком вдохе стало хуже. Потом она кое-как проморгалась, отгоняя обморочную черноту, заслонившую мир. Лучше бы не отгоняла... Сашка заорала бы, но передавленное горло не позволяло; всё, что получилось выдать, – жалкий хрип. Серый больше не собирался ее душить. Задумчиво смотрел на девчонку желтым пламенем из глазниц черепа. Ни обычных веснушек, ни кирпичных лохм. Смерть как она есть, во всяком случае, в мультиках. Только... настоящая и оттого – страшнее страшного.

Руки сами собой зашарили по столу. Хоть чашечкой, да попробовать защититься... Попалась, кажется, не ее чашка, а Серого, с остатками кофе на дне. Пальцы влезли в остывшую жижу, и это, видимо, отрезвило вопящий от ужаса разум и вернуло и способность соображать, и нормальное зрение.

Лицо у Серого было как лицо. Если можно, конечно, так сказать о человеке, который только что едва не убил другого. Впрочем, в убийцах, пусть даже не состоявшихся, Сашка не разбиралась и разбираться не собиралась. А Серый пялился на нее своими каквсегдашними, ржаво-карими глазами, изучающе, настороженно, но, кажется, уже без угрозы.

– Может, я ошибся, – сказал он сам себе, – чують-то ничего не чую. Но кто знает, насколько ты хитрая тварь.

– Ты точно ошибся, – прохрипела Сашка, ненавидя, почему-то не его, а себя. За то, что не лупит его прямо сейчас стулом по морде, за то, что не вызывает полицию, не звонит деду, не... не... не делает ничего. Только лепечет какие-то... оправдания, как будто она в чем-то виновата. – Ты что, спятил, псих ты больной?

Серый отмахнулся.

– Я за тобой прослежу, – пообещал он. – Деду рассказывай, что хочешь, я разберусь. И с тобой тоже. Иди отсюда, пока не решил разобраться на всякий случай.

Сашку как ветром сдуло. Сдуло и понесло по широкому, в детстве казавшемуся бесконечным, коридору. Туда, куда всякая нормальная девчонка в такой ситуации рванет (если нормальные девчонки, конечно, попадают в такие дикие ситуации и выходят из них относительно без потерь), – в свою комнату.

По дороге Сашка успела возненавидеть себя еще больше. Потому что за три секунды пути она приняла то самое, ошибочное решение, которое, увы, часто принимают попавшие в беду девчонки: никому не говорить. И деду тоже. Постараться забыть, пережить и... больше не оставаться с Серым наедине. Дура мягкотелая. Тряпка. Последнее слово Саша сказала вслух. Правда, никто все равно не услышал – в этот же момент она пинком распахнула дверь, чего за ней раньше тоже не водилось. Попыталась перевести дыхание, но не смогла. Непогашенная злость клокотала и требовала выхода.

Сейчас ей стало не только страшно, но и так обидно! Почему она такая размазня? Ни слова не сказав просто выскочила из кухни, когда послали, и двумя хлопками двери – бах! Открыла. Бух! Закрыла – сообщила миру, что трогать ее не рекомендуется. Как будто миру это очень надо.

Шарахнуть бы еще по чему-нибудь... лучше хрупкому, чтобы осколки зазвенели. Но жалко. Как представишь себе битые чашки или статуэтки, так и слезы на глаза. Сашкины руки непроизвольно сжались в кулаки и разжались. Руки требовали деятельности – лучший способ загасить злость.

– Ух, надо было тебе хвост накрутить! – сообщила Сашка воздуху. То есть определенно, не виновнику своего гадкого состояния. – Ну... ну хоть кому-то надо его накрутить же...

В воздухе все еще дрожал нежный и одновременно пронзительный отзвук – белые чашечки на полке отозвались звоном на хлопок двери. Грохот уже не просто стих, но вовсе забылся. Но тонкий, однонотный, едва существующий звук все еще заполнял просторную Сашину комнату.

– Вы попали, – сообщила она чашечкам. Перед глазами тут же встала картинка, как будто нарисованная кофейной гущей на светлом доньшке или корицей по плотной пене капучино. Неважно, как и на чем, важен результат.

Разноцветные перышки хранились в коробке со всякой рукодельной мелочевкой. Рукодельем Саша не увлекалась, мелочевку использовала для красивых фотографий в Инстаграме. А сейчас лиловые перья, похоже, обретали новое бытие. Полное – ха-ха! – нового смысла.

А теперь – чашечки. Ох, какую красоту она купила не далее как позавчера. Белые бокалы, объемом годные для капучино, сразу похитили ее сердце. А какие у них были ручки! В виде изящных барышень с крылышками бабочек. Личики у них были едва намечены, зато тела прорисованы очень точно и тонко. А вечером в день покупки Сашка хохотала почти до слез, обнаружив, что ручки-фигурки были, во-первых, полыми (что логично, ведь иначе они перевесили бы даже полную чашку), во-вторых, снабжены крошечными отверстиями в... в области хвостиков. Впихнуть тонкий стерженек пухового перышка в отверстие оказалось делом нелегким и кропотливым. Уже на стадии второго пера в пятую точку второй феи Сашка снова разозлилась. Да еще и обидчик, видимо, чуя свою вину или опасаясь получить по заслугам от деда, заскребся под дверью.

– Саш, Саша... – донеслось со стороны коридора. Какое-то жалкое блеяние. Угу, осознал, что натворил, гад, и перепугался, что Сашке хватит духа в полицию пойти. Вот и прибежал скулить под порогом. Фу, противно.

– Пошел вон! – Сашка своего голоса не узнала, так зло и хрипло он прозвучал, даже с рычанием каким-то. Третья чашка, пока «неоперенная» веским аргументом, отправилась в полет до двери и осыпалась осколками. Обидчик предпочел испариться, ну, или притихнуть, притворившись половичком. И тут Сашке стало истерически смешно от собственной вспышки. Ну, обозвали шарлатанкой. Ой, да, чуть не задушили, синяков, наверное, наставили. Но Саша девочка хорошая, Саша все понимает. Человек просто сорвался. Таких, как она, понимающих девочек, можно обижать. Можно бросать без защиты, отдавать бабушке-дедушке и забывать, как глупый сон на рассвете. Саша не напомним о себе, не испортит окружающим спокойную жизнь. Подумаешь, обидели... Было бы из-за чего дверями хлопать и посуду колотить.

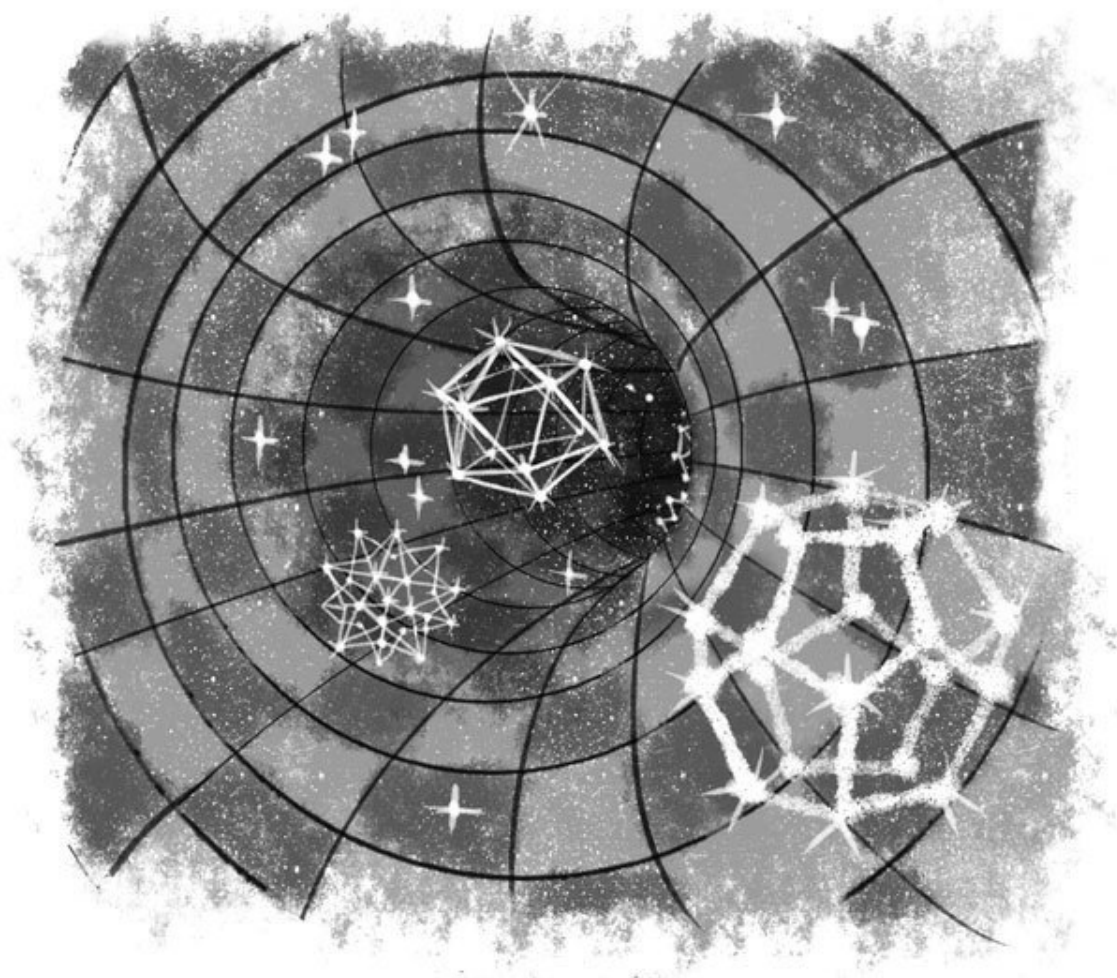
Кстати, о посуде... Ручка-феечка уцелела. Саша не заморачивалась суевериями на тему хранения битой посуды, поэтому хвостами в конце концов обзавелись все три.

Затем Сашка потопала из комнаты за пылесосом – не оставлять же гору осколков на полу – и чуть зайкой не стала, когда противный дрожащий в воздухе звон вдруг оформился в гармоничную трель. Трель – в мелодию, мелодия – в смех.

Цепenea уже не от страха – какие-то психические предохранители в Сашке, кажется, только что перегорели, – но от удивления, девочка обернулась.

Все три феи, абсолютно живые, по-прежнему белые и фарфоровые, сидели на краю полки и болтали ногами. Вернее, две сидели, а третья порхала рядышком, трепеща лиловыми пушистыми хвостиками.

Глава 2

При других обстоятельствах Сашка, наверное, закатила бы тихую, ограниченную стенами комнаты истерику. Но свежая закалка тут же дала о себе знать. Она просто села на пол там, где стояла, позабыв про пылесос и осколки кружки. К сожалению, осколки о ней не забыли. Парочка впилась в ладонь, и спасибо, что не в то место, куда она феям хвосты приделала. Тут бы и проснуться – от боли-то. Но куда там! Боль была, а пробуждения не было, потому что она не спала.

– Вы живые? – спросила Саша в пространство. Прозвучало как-то тупо. Как будто она «му-у» произнесла. Дружная трехголосая трель, переходящая в смех, вновь была ей ответом. – Хорошо, я сейчас это переварю... Фейки, значит. Фейки-кофейки.

Когда в твою хорошую, спокойную, размеренную и почти совсем счастливую жизнь вдруг врываются боль и опасность, а уж тем более когда в нее вваливаются, нагло открывая дверь с ноги, чудеса, то есть один хороший способ сохранить здравый рассудок. Заключается он в том, чтобы заняться чем-то очень обыденным и милым: комнату прибрать, кактус пересадить или в коробках с кукольными платьями навести порядок. То что надо. Терапия как она есть.

В куклы Саша никогда толком не играла, но наряжать их и устраивать им «кофейню» обожала с детства. Сейчас кофейня не помешала бы ей самой. Причем как-нибудь так, чтобы из комнаты не выходить и с Серым не сталкиваться.

Саша осмотрелась. Почти все свои кофейные прибабасы она держала на кухне (эту привычку теперь придется подправить!). Но кое-что оставалось в комнате – на случай, если за

школьной домашкой потребует живительная порция кофеина. На полке прямо над письменным столом пристроилась небольшая, самая небольшая из возможных, кофемашина.

Несколько кофейных капсул обнаружилось на другой полке среди ручек-маркеров, бумажных цветов и прочей ерунды. Из всех видов Сашкиной любви к кофе любовь к «машинному» была наименее сильной – не с океан, а всего лишь с море. Но Средиземное, никак не меньше. А сейчас, когда любопытство и остатки злости подталкивали под руку, благородный напиток в самом деле можно было «сдобрить-задобрить» стихоболтанием.

– Что там я этой тетке говорила? – спросила Сашка не феек-кофеек (ах, какое получилось название, самой приятно!), не себя даже, а окружающее пространство. Оно оказалось памятьливым и незлым. Строки выскочили в памяти сами собой:

*Раствори свою тоску
И отдай ее песку.
Черный, словно ведьмы кровь,
Кофе будет вмиг готов.
Страх свой лютый раствори,
Кинь в жаровню – пусть горит.
В светлом пламени зари
Кровь ведьмачью завари.
Как во сне или в бреду,
Я на свет бреду-бреду.
Кофе черен, перец ал
Мир людей для ведьмы мал...*

Неизвестно, чего бы еще наболтала, да только феи вдруг сорвались с кромки стола, вспорхнули и выстроились в линейку так, что каждая чуть ли не на голову следующей встала ногами. Эта фарфоровая линия превратилась в круг, круг начал вращение. Сашка машинально глотнула кофе из чашки.

И все изменилось.

Шалея от коктейля из невозможности и неоспоримой реальности происходящего, Сашка осознала, что она... нырнула в чашку, из которой только что пригубила. Такая вот прокофейненная насквозь Алиса в Стране чудес. Только она не уменьшалась, а чашка не увеличивалась. Налицо явно был какой-то другой фокус пространства. И, увы, ни знаний, ни опыта, чтобы понять, что же произошло, Саше не хватало.

Глаза же, и прочие органы чувств со всей ответственностью заявляли, что воздух вокруг нее сгустился и покоричневел. Эдакие кофейные сумерки случились. Запах кофе тоже сгустился, прямо-таки сконцентрировался. Еще миг и – Сашкина комната исчезла, как бы скрылась по другую сторону... чего? Коридора.

Сомнений не было: Саша стояла в просторном коридоре в форме трубы, как будто попала в фантастический кофейный аквапарк для великанов. Этот трубовидный коридор был полностью выложен белыми и коричневыми плитками. Не ровными, как в ваннных комнатах, а вогнутыми. Как же иначе сохранить скругленность пола, стен и потолка? Впрочем, такие обыденные понятия, как стены, пол и прочее тут не работали. Труба она и есть труба. И по ней совершенно определенно тек мощный поток кофе. Причем не ручей по щиколотку, даже не по колено. И не по грудь. Все в этом коридоре было суть – кофе, до последней молекулы атмосферы. И кофе двигался сильно, неотвратно. Но при этом не сбивал с ног, даже не подталкивал. Как будто...

как будто Сашка стала частью этого потока, но сохранила волю выбирать: двигаться вместе с ним, стоять на месте или вовсе против течения развернуться.

– Мамочки... – выдохнула она. Страшно не было. Почему-то от звенящего смеха феек-кофеек она в первый миг обомлела, а попав в неведомое пространство, ощутила только возбужденность. Ха-ха... «только»! Каждая клеточка тела, даже в волосах и ногтях, взвинтилась в волнении, любопытстве и... радости. Сашка подняла руки, как в воображаемом полете, – специально чтобы ощутить одновременное легкое сопротивление кофейного потока и его податливость, готовность подчиниться ей. А потом сделала воображаемый гребок – словно не летела, а плыла. И в очередной раз остолбенела.

Ее руки белели фарфором – в точности как у феечек-кофеечек. Рисунок вен исчез, не говоря об отпечатках пальцев, волосках и всяких там порох-родинках-царапинках. Саша на всякий случай ущипнула себя за новую руку. Больно. И тепло на ощупь.

– С ума сойти... а хвост? – Она завертела головой, ища утвердительный или отрицательный ответ на этот шуточный, в общем-то, вопрос. Ответ был – да. Хвост колыхался воздушным плюмажем, вздымаясь немного выше Сашкиной головы. Наверное, тоже белой и бесчертной... или как правильно? Обесчерченной? В общем, без черт. Вот крыльев не оказалось. Ну и ладно. В кофейном потоке надобности в них не было. А хвостик красивый.

Феи, ставшие теперь не крупнее крошек ванилина, насыпанного в джезве, заметались над Сашкиным плечом, взбалтывая кофейный поток.

– Это намек, что ли? Нечего на одном месте топтаться? Я и не собиралась. Просто огляделась немного. – И Саша решительно направилась туда, куда глаза глядели. То ли позволила кофейному потоку нести себя, то ли, наоборот, сама понесла весь поток с той скоростью, какую мимолетно захотела, – прямо как скорость ходьбы отрегулировала. Поток кофе шел вместе с Сашей, сквозь нее и вокруг нее. А там, где ветвился ее путь, окружающая среда немного менялась. Словно в однородный поток влетались тонкие струи иных веществ – корицы, шоколада, сахара. Куда-то в сторону уносилось карамельное течение, еще откуда-то явно струилось молоко.

Сашка потрогала свою юбку, теперь тоже фарфорово-белую, но вполне обычную на ощупь. Не намочла, мелькнула запоздалая мысль.

Феи снова заметались над ее плечом. Саша почувствовала, как всколыхнулась кофейная атмосфера. Как будто крошки подталкивали ее, убеждая повнимательнее присмотреться к чудному месту, по которому теперь пролегал ее путь.

Ничего, в общем-то, не получилось. Ничего нового Саша не увидела. Присмотрелась еще раз. И, чтобы уж наверняка уловить хоть что-нибудь, – прислушалась. Зрение, слух, обоняние, осязание. Мало этих чувств, ох мало. Надо почувствоваться как-то еще. Как? Хотя оживила же она феек-кофеек, совершенно не зная, как это делается. Значит, и увидеть тоже получится.

Почему-то она решила, что лучше всего это делать с закрытыми глазами. Если надо узреть что-то большее, нежели человеческому глазу доступно, то поднятые веки – только помеха.

Саша зажмурилась и... ощутила себя настоящим слепцом. Как будто ее ресницы не просто опустились на щеки, но намертво в них вросли. На секунду ее охватил дикий, прямо-таки животный ужас – а что, если слепота останется навсегда? Но тут же накатила такая шквал чувств, что слепота показалась ерундовым неудобством. Нечто иное с лихвой ее восполнило. В потоке кофе неслись сгустки, струи, кляксы, мини-смерчки и черт знает что еще. И от каждого такого непонятного объекта в прямом смысле тянуло то тревогой, то радостью, то отчаянием.

– Ничего не понимаю, – выдохнула Сашка и рискнула коснуться многолучевой звезды, дразняще зависшей прямо перед ее лицом, и тут же с визгом отдернула руку. Потому что эффект был, как если бы сунула пальцы в розетку. Только не обычную, типа «Там ток,

Сашенька», а скорее «Там печаль и ревность, Сашенька, да в такой концентрации, что несчастным электрончикам в проводочках и не снилась».

– Ну и почему не предупредили? – Собственный голос ворвался в верещащее от боли и страха Сашкино сознание, как свежий ветерок. Ну, или как таблетка «от головы». – Хоть бы за волосы дернули, или еще что-то в этом роде. Или это... как в фэнтези говорят: «Опыт, который всякая ведьма должна получить сама»?

В каком именно из – будем честны! Не то чтобы очень уж многих – прочитанных фэнтези-романов говорилось это, Сашка не помнила. Феи явно тоже начитанностью не блистали. Чуть увеличились в размерах, до видимости без прищура, и бестолково мельтешили перед девочкой, грозя залететь ей в глаз. Или засветить. Перец имбиря не слаще.

– Да ну вас!.. – рассердилась Сашка. Вновь закрыв глаза, она решительно свернула в первый попавшийся коридор.

И тут же врезалась в живого человека. Не пятно, не комету, не карамельный поток.

– Ой! – пискнула она.

– Ой, – согласилась с ней девочка примерно ее лет, натягивая на голову капюшон толстовки. – Ты кто?

Она была вся рыжая. Наверное, подобно Сашке, войдя в кофейный коридор, приняла вид... кого? Или чего? Чашечки, что ли? А что, похоже. Только, в отличие от Саши, не белой фарфоровой, а глиняной, шершаво-пористой. И такой пыльно-рыжей, что Сашку передернуло – очень уж цвет походил на волосы Серого. Но она отогнала наваждение и всмотрелась в девочку. Бесполезно. Черты лица смазывались, как у феечек и, наверное, самой Сашки.

– Так кто ты?

Как ответить на такой простой вопрос, учитывая непростоту ситуации?

– Саша. А ты?

– Лиза, – засмеялась девчонка, – вот и разобрались. Надо понимать, ты Кофейная ведьма? Я тоже. Но я тебя не знаю. Ты давно ведьмачишь?

– Нет. – На всякий случай не стала уточнять, что «ведьмачит» впервые. – И тебя я тоже не знаю.

Лиза снова засмеялась.

– Это как раз потому, что ты новенькая. А ты по своим делам по сети бродишь или уже вступила в игру? А на чьей стороне?

Говорить «не знаю» не хотелось. Нести первое, что в голову взбредет, – тоже. Особенно после сегодняшней стычки с Серым. Саша раскрыла было рот, чтобы выдать нейтральное «по своим делам», но не пришлось. Лиза и сама рот распахнула. От удивления – из-за Сашиного плеча выпорхнула одна из фей. Остальные, обретя размеры чуть больше своих изначальных, порхали чуть позади.

– Это твои фамилльяры?! – завопила новая знакомая, аж подпрыгивая на месте. Капюшон снова свалился. – Ну, так ты очень крута, если сама новичок, а таких штуковин наколдовала!

– Это не штуковины, – почему-то обиделась за феек-кофеек Саша. – Это фейки-кофейки. Они раньше были ручками чашек, а сейчас – сама видишь. Но они все равно не штуки, а существа.

– Ну, прости. – Лиза наморщила свой, наверное, курносый нос. – У меня банально кот. С фантазией туго. Только кошак мой – лентяй страшный и по сети со мной не бродит.

– А ты сама тут по делам или... в игру вступила? – осторожно осведомилась Саша.

– Не, никакой игры, я просто... ну... в общем, есть один человек...

Приехали, подумала Саша. Неужели все, везде и всегда, по сути, сводится к тому, что «есть один парень...»? Перед тобой, можно сказать, истинная вселенная раскрывается, а ты о любовях-морковях думаешь. Но Лиза продолжила:

– ...это пожилая женщина. Ну, как пожилая... Моя бабушка вроде бы постарше, но мама гораздо моложе. Она, кажется, совсем одинокая. И без всяких там «кажется» очень-очень несчастная. Понимаешь? Не так, как некоторые люди, кому все не так, – ей по-настоящему плохо. Она кофе варит, а он такой грустный получается, что самой плакать хочется.

Саше стало стыдно. Вот ведь, уже успела счесть Лизу поверхностной свистулькой, думающей только о парнях. А оно вон как оказалось.

– Ты хочешь ей помочь? – спросила она. – Но как?

Лиза нахмурилась и всмотрелась в Сашу. Наверное, пожалела о минутке откровенности.

– Ты совсем новенькая, или мозги мне пудришь? Не знаешь как? Пришла же ты сюда как-то.

Да, похоже, минутка откровенности затянется.

– Честно говоря, я в эту, как ты говоришь, сеть, попала в первый раз. И не уверена, что сама. По-моему, меня вот они затащили. – Саша указала на феек-кофеек, прикинувшихся троицей нежужжащих мух.

Лиза залилась беззаботным смехом человека с чистой совестью. Или хотя бы с красивыми зубами. Правда, сейчас Сашка не могла нормально оценить ни то, ни другое.

– Кто, фамилльяры? – сквозь смех проговорила новая знакомая. – Я тебя немножко обломаю. Они ничего не умеют сами. Они вроде гаджета. Если не умеешь пользоваться, ноль тебе пользы от всех их возможностей. Я больше года ведьмачу, а толку? Мой фамилльяр-кот как был жирной ленивой тушей, так и остался. Даже поболтать с ним невозможно по душам. Ну, если рявкнешь хорошенько, то что-нибудь принесет-подаст. Если расположен будет, угу. А не расположен, так «у меня лапки, возьми сама». Начитался этих наших Интернетов. Не-етушки, эти твои... куклы ничегошеньки не сделали. Все ты сама. Ой, да не смотри ты так. Я тоже не сразу разобралась. А потом меня в обучение взяли. И тебя возьмут, не бойся, мы своих не бросаем. Ой, а пошли со мной? Только скорее, а то я же в самом деле за ту тетку волнуюсь...

– Лиза, – окликнула Саша новую знакомую через несколько шагов. Ну, то есть как «окликнула»... просто позвала по имени, чтобы молчание нарушить, – а мы вообще где находимся? Ты назвала это «сеть», но на вид это как коридор. Или лабиринт коридоров. Я уже вообще не помню, откуда пришла. Но... что это? Параллельное пространство? Четвертое измерение? Кофейное зазеркалье?

Лиза даже притормозила на полуходу-полубегу.

– Неудивительно, что ты обзавелась такими необычными фамилльярами, – сказала она. – Я не задумывалась о Сети с такой... ну... философской точки зрения.

– Скорее уж географической, – Сашке стало смешно, – или физической.

Лиза тоже засмеялась.

– Честно, толком не знаю, – призналась она. – Я вообще не отличница ни разу, ни в школе, ни в ведьмовском обучении. Могу рассказать, что слышала от наставников. Хочешь?

– Да, расскажи, пожалуйста.

– Мир людей оплетен незримыми сетями, – нараспев начала Лиза, будто сказку или пресловутую «песнь» завела, причем явно не своими словами, а заученный текст, – то есть они незримы для обычных людей, но для ведьм – наоборот. Очень даже видимы. Кофейные сети охватывают, опутывают, затягивают всех, кто пьет кофе, готовит его, гадает на нем. Всех ведьм и всех людей, для которых кофе жизненно значим.

– Да много ли таких? – удивилась Саша. – Я кроме себя никого повернутого на кофе не знаю.

– Меня теперь знаешь, мало, что ли? Вообще-то нас гораздо больше, чем можно просто взять и представить, – ответила «глиняная девочка», которую уже хотелось называть подругой, только страшновато было. – Миллионы людей и тысячи ведьм. Нет, люди, конечно же, не думают о кофе и вполупину так часто, как о других людях. Но... они включают его в свое

бытие. Пьют по утрам, не просто чтобы проснуться, но чтобы наполнить день смыслом. Греют руки о чашки, разделяют напиток с любимыми... а иногда... – голос ее дрогнул и зазвучал как-то иначе, – иногда чашка кофе может подтолкнуть человека к решению... например, жить или умереть.

– Могу понять... стоп-стоп... умереть?! – Сашу передернуло, озноб пробежался по коже. Девочка обхватила себя руками, будто так можно было отменить то, что только что прозвучало.

Ведьмочка кивнула.

– Страшно подумать, какие мелочи порой подталкивают к жизненно важным решениям. Лишняя перчинка в чашке кофе может отогреть гибнущую душу и не дать ей низринуться в небытие. – Голос Лизы вдруг стал чужим и безжизненным, Саше больше не казалось, что та шпарит наизусть по накатанному. – Я не умею пока говорить о смерти, прости, Кофейная ведьма. Научусь. И ты научишься тоже.

Саша не нашла слов для ответа. Да и ни одной идеи, которую можно было бы облечь в слова, ей в голову не пришло. Она просто постаралась побороть озноб и отправилась дальше, туда, где далеко впереди коридор разветвлялся. Лиза бесшумно ступала рядом, больше не рассказывая ничего. Фейки-кофейки тоже притихли.

Сашка поняла, что еще чуть-чуть, и молчание станет тягостным. Лучше его разогнать до этой точки невозврата.

– Как ты находишь дорогу? – спросила она новую знакомую.

– По веяниям, – лаконично ответила та. И уточнила: – Когда человек делает глоток кофе, его чувства сливаются с потоком напитка. – И продолжила, снова входя во вкус бытия просветителем: – и любая ведьма, шагнувшая в сеть, может уловить их веяния. Ты тоже можешь и улавливаешь, только пока не понимаешь, что происходит.

– Когда я закрыла глаза, то как бы... увидела всякие пятна, кометы. И когда одну потрогала, то было плохо.

– Додумалась тоже, за веяния хвататься! – Лиза вдруг стала строгой, как учительница в начальной школе. – Ты знаешь, как выглядит радость? А грусть? А отчаяние? Можешь чужую депрессию схватить запросто! Или невыносимую боль. Кстати, когда немного опыта наберешься, сможешь видеть веяния, не закрывая глаз.

Саша опять не знала, что сказать. А Лиза, увидев ее растерянность, сжалилась.

– Слышала, говорят «повеяло печалью»? Это ведьмы обогатили человеческий язык красивыми э-э-э... идиомами, или как их там? Метафорами? Ой, я не филолог ни разу.

– Выражениями, – резюмировала Саша, которая филологом тоже не была и становиться не собиралась.

– Ага, выражениями, – согласилась Лиза. – В сети они просто стаями гуляют. А мы, ведьмы, можем их ослабить или усилить. Или вовсе стереть.

– Или создать с нуля чувство, которого человек вовсе не испытывал, – предположила Саша.

Лиза замерла.

– Д-да, только это дурное дело, – сказала она. – Так делают те, кто играет на стороне... бррр... неважно. Мы пришли. Кстати, опытные ведьмы носятся по коридорам сети с такой скоростью, что с ума сойти можно!

С точки зрения Саши, они оказались в округлом тупике, выложенном такой же белой и коричневой плиткой как все коридоры.

Лиза покрутила головой.

– Закрой глаза, если хочешь видеть, как я работаю, – посоветовала она.

На этот раз ощущение слепоты было не таким сильным и не таким пугающим. Наверное, потому что Саша уже точно знала, что ничего страшного на самом деле не происходит.

Вокруг нее зазмеились странные потоки – они сияли нехорошим светом, каким-то синеватым, неживым.

Она не успела позабыть предупреждение Лизы не трогать веяния. Но также ей казалось, что прикосновение к веянию не должно быть таким уж опасным. Противным, болезненным, но едва ли по-настоящему угрожающим. И она осторожно дотронулась пальцем до змеящейся струи синеватого света.

Ох, и накатило на нее!

Это была тоска. Такая, что хотелось умереть здесь и сейчас. Женщина, пившая этот кофе, маялась от чувства вины, помноженного на беспомощность и возведенного в степень усталости. Сработало нечто вроде профессионального рефлекса гадалки. Сашка кинулась подбирать нужные слова. И ведь удалось!

– Считается, что из такой ямы путь только один – вверх. К сожалению, это не так. Есть еще один. Не делать ничего. Сложить лапки и увязнуть. Но я не позволю.

На этом месте следовало ка-ак треснуть по столу. Чтобы и чашечки, и джезвы жалобно звякнули. А потом Сашка бы чуть склонилась вперед, поймала взгляд клиентки и продолжила немного сердитее, чем полагалось постороннему человеку: – Ваш путь только вверх. В гущу посмотрите! Вверх и только вверх.

Нечто подобное она сегодня говорила женщине, у которой, по словам Серого, не было судьбы. А у этой была. И, если верить ее же собственным чувствам – никуда не годная. Эх, жаль, Саша не могла прочесть мысли несчастной, чьей тоской веяло в кофейном коридоре. Понять бы причину всего этого. Хотя... Может, Лиза в курсе?

Саму Лизу она, разумеется, не видела через сомкнутые веки. Но присутствие ее было неоспоримо. Тонкая сахарная струя – видимо, женщина пила кофе с неполной ложечкой или половинкой куска рафинада – колыхнулась, изогнулась, словно ее руками перенаправили, и сплелась с веяниями тоски. И, кажется, сладость начала поглощать тоску.

– Эй, спасибо! – Лиза ткнула Сашу в плечо, и та открыла глаза. – Руками за веяние схватилась – это ты, конечно, дурында. Но вот слова... какая ты молодец!

– И что это было? – спросила Саша, хотя в целом, кажется, и сама начала понимать.

– Кофейная магия, – бодро ответила глиняная ведьмочка. – Если совсем грубо говоря, то я привела в действие некоторые магические силы банального сахара, растворенного в кофе. И ее тоска немного отступила. А твое выступление, м-ммм! Просто песня. Она как будто услышала эти слова глубоко внутри себя. И поверила в них. Не знаю, надолго ли. Но в ближайшее время под машину не бросится, это точно. Даже думать о таком не будет.

И оборвала свой восхищенный монолог.

Сашка завертела головой, выискивая причину.

– Это что? – удивилась она. В кофейный поток вливался еще один. Как будто сквозняком потянуло из одного бокового коридора в другой. И сквозняк этот пах радостью и теплом. – Шоколад! – узнала она, но усомнилась: – Или это какао?

– А какая разница? – удивилась Лиза. И покачала головой: – Не знаю. Ты, по-моему, опять все усложняешь. Но шоколадный поток это хороший знак. Эй, Амарго, привет! – последнюю фразу она радостно проорала, как будто приятеля на стадионе встретила.

Сначала Сашке показалось, что тьма этого потока (шоколад оказался куда чернее кофе!) сгустилась до невозможности. И приняла очертания человеческой фигуры. А потом она поняла, что перед ней стоит... шоколадный заяц. То есть мальчишка. И если по Лизе как-то сразу стало понятно – ровесница, то этот... ну, может, ровесник. А может, старше. Или младше. Ненамного, но все-таки. А вот ростом выше. Что в общем-то неудивительно. Сашка до метра семидесяти немного не дотягивала, и большинство ровесников-парней к старшим классам ее переросли.

– Привет, Лизон. – А вот по голосу ровесник, а то и постарше. Черно-коричневое, чуть бликующее в неровном, идущем невесть откуда освещении коридора, лицо обернулось к Саше: – А это еще кто?

И посмотрел прямо в глаза Сашке. А она – в его. На шоколадном лице расположение глаз можно было определить только благодаря логике – ну, где обычно у людей глаза? Но при этом у него был взгляд. А во взгляде было что-то такое, от чего Сашке захотелось сквозь землю провалиться. Только очень красиво и изящно, чтобы он непременно заценил, какая она беленькая и стройная и какой у нее красивый пушистый хвостик.

– Ух ты, – выдохнул шоколадный парень. – Новенькая? А познакомь нас, Лиз.

– Ха-ха, смешно пошутил, – фыркнула Лиза и обратилась к Сашке, остолбеневшей в черт-те какой раз за день, со счета уже сбилась: – Это, Саш, наш местный дон Жуан по прозвищу Амарго. А настоящее имя назвать отказывается, потому что боится, что в реальной жизни его, беднягу, загнобят за большую и чистую любовь к шоколаду.

– Ну Ли-из, – с притворным смущением протянул дон Жуан и подмигнул Сашке: – А ты, значит, Саша...

– Фербер, – зачем-то уточнила та. И спохватилась: – А имя ты откуда узнал?

Новые знакомые заржали бодрым хором. То есть когда двое хором, то это вроде как дуэтом. Вот. Дуэтом и заржали. Правда, засмеялись они не злобно и очень даже заразительно. Сашка и сама не заметила, как присоединилась. Тем более что до нее дошло: Лиза же только что обратилась к ней по имени.

– А почему ты Амарго? – спросила Саша.

– А это по-испански «горький», – пояснил парень. – Самый лучший шоколад именно горький.

– А ты куда идешь, горький шоколад? – спросила Лиза.

– Да одной любительнице какао на душе нехорошо. – Парень взмахнул рукой. И пояснил для Саши: – Иногда она пьет кофе с какао, тогда мы с Лизон ходим вместе и направляем помыслы девушки в сторону жизни. А вообще я к ней как в спортзал мотаюсь – раза четыре в неделю.

Саша не удержалась и фыркнула.

– Это ты так ненавязчиво сообщил, что практически живешь в спортзале? Качок-сладкоежка, – хихикнула она. Общаться вот так, в образе белой фарфоровой, рыжей глиняной и шоколадной фигур было легко. Как будто в Интернете под никнеймом и аватаркой. Красота, одним словом.

– Ой, – шоколадный... ведьмак (ну, не ведьма же?) – смутился, причем совершенно неподдельно. – Я, кажется, распустил хвост.

– И гребень надул, – Лиза снова захохотала, – петушиный. Или этот... Индюшачий. Ой, я готова спорить, что ты краснеешь, только в шоколаде не видно!

– Лежишь сейчас в своей комнате с чашкой какао в обнимку, а сам красный, – подхватила Саша.

Оба ведьмака разом перестали смеяться.

– Я не лежу в своей комнате, – сказал шоколадник, – я здесь. И ты тоже здесь. Дома тебя нет.

– Откуда ты знаешь? – спросила Саша. – Когда ты здесь, ты же не видишь свою комнату.

– А телефон с камерой мне зачем? – задал риторический вопрос парень.

– Ой, ты серьезно? – Лиза захлопала глазами. Вернее, Саше так показалось. А хлопала ли она ими на самом деле, с этой ее неровной, ноздреватой глинистой поверхностью и не разберешь. – Вот делать нечего, так заморачиваться. Я все время как-то так... ну, ведьмачу и ведьмачу себе. Здесь безопасно, я это чувствую.

– Просто, Лизон, ты ведьмачишь в своей комнате, куда ни родители, ни бабушка без разрешения не заходят. А у меня дома народ не такой интеллигентный, – развел руками Амарго. – Как представляю, что мама зайдет, а я там бездыханный валяюсь, так и прокисаю. Вот и проверил. Пока смотрел, простите, девочки, аж вспотел, как в том же спортзале. Жутко так. Сижую, пью шоколад и вдруг – хоба-на! – исчезаю.

Сашка задумалась.

Если дед поймет, что она не выходила из дома, но при этом она не ответит на стук в дверь, то он, конечно же, зайдет в комнату. А ее нет. Вот номер... а потом она ка-ак появится. И вот это уже всем номерам номер, исполнитель номера помер.

– А я могу не в комнату свою вернуться, а хотя бы... ну, на лестничную площадку? – спросила Саша. Тогда, по крайней мере, можно будет напелести деду, что успела смыться из квартиры и прогуляться.

– Не-е, так нельзя, – покачала головой Лиза.

А шоколадник явно задумался.

– Ну, почему нельзя? Можно. Если выйдешь через свою дверь, окажешься там, откуда заходила. А если через Лизину? К ней попадешь.

Опять двери. Ну, ладно... или не очень ладно.

– Лиз, а ты где живешь? Я в Питере, а ты?

– О, – Амарго хлопнул себя шоколадной ладонью по шоколадному лбу, – об этом я не подумал. Но Лизон тоже питерская. Причем из центра. До Гостинки меньше пятнадцати минут пешком.

– Это тебе меньше, – возразила Лиза, – а мы девочки, мы ходим медленнее. Зато метро «Невский проспект» ближе.

– Все в порядке, – сказала Саша, – мне «Гостиный двор» удобнее. Я сама на Беговой, да еще по Приморскому шоссе в сторону Лахта-центра, ну, знаете, «Зажигалки», топать и топтать...

– Ничего себе, далеко забрались. – Лиза всплеснула руками. – Зато у залива, да?

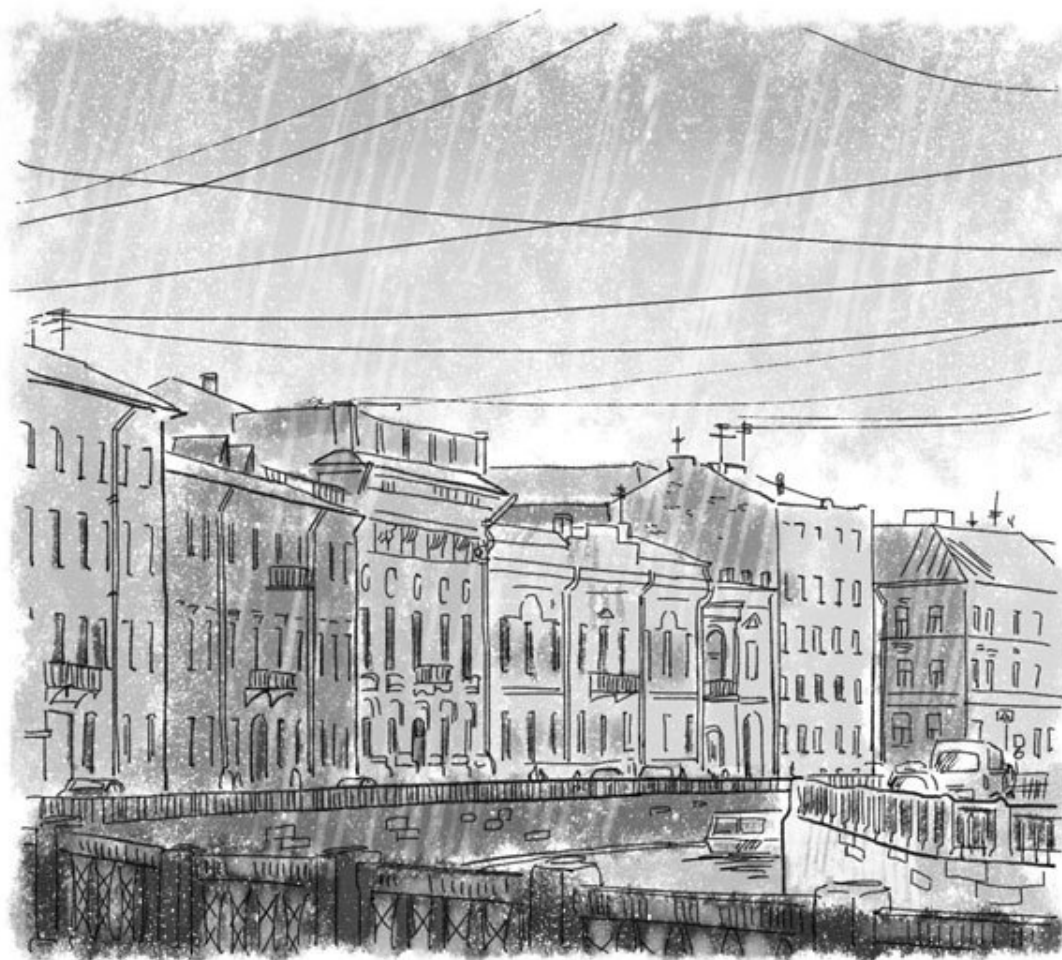
Сашка кивнула. Она, некоренная петербурженка, да и вообще, если разобраться, вечная приезжая в этом городе, все время называла залив «морем». Ну, это же часть моря, верно? Значит, сойдет.

– Тогда пойдем, – сказала ей Лиза. – Я сегодня еще пошопиться хотела и уроки кое-какие сделать. Так что пора нам в скучную реальность. Амарго, пока, что ли?

– Пока, Лизон. – Тот махнул шоколадной рукой... так и хотелось окрестить ее «дланью». – Саша Фербер, как приятно познакомиться! Еще увидимся?

Сашка кивнула. И, уже уходя вслед за новой знакомой, сообразила, что надо было пообещать добавлять шоколад в кофе. Умная, и даже остроумная. Но что толку, если все это – задним умом?

Глава 3

Амарго ушел, еще раз махнув девочкам на прощание.

– Ты ему понравилась, – заметила Лиза. Это прозвучало так... запросто, что Саша немного растерялась.

– А вы с ним... вместе?

Глиняная девочка прыснула.

– С ума сошла? Я же даже не знаю, как он по жизни выглядит и как его зовут. Мы с ним что-то вроде одноклассников. Или нет, даже не так. Как будто в один кружок ходим. Типа, умелые руки. Ну, он хороший. И, по-моему, такой из себя весь... звезда на спорте. А, вот что еще. Он, как я, в десятом классе, а мне вообще-то постарше ребята нравятся. А тебе?

Саша поняла, что краснеет, хорошо, что через фарфор вроде как не видно. Только покраснела она не от того, что у нее были какие-то особенные ответы на Лизин вопрос.

– Не знаю, – призналась она.

Была у нее, конечно, давняя детская влюбленность, в седьмом классе. Разумеется, в самого звездного-яркого пацана. Как же еще-то? Сдуру даже поборолла свою застенчивую отстраненность и попыталась пообщаться. За что тут же получила от компании одноклассниц по первое число. Собственно, эта «любовь», о которой объект то ли так и не узнал, то ли тут же позабыл, закончилась переездом к деду, годом на домашнем обучении и переходом в новую школу. И сейчас Сашка иногда украдкой косилась на Никитку Праворукого, разумеется, звезду-спортсмена-отличника. У которого, разумеется, была своя «команда поддержки»

из нескольких девиц из класса и из параллели. Но дурой она не была. Понимала прекрасно – это не любовь, не влюбленность даже, это... инстинкт следования за толпой. Все побежали, и я побежал. Все влюбились, и я влюбилась. Ну как влюбилась... так, слегка очаровалась, не более того. Во всяком случае, предложи ей судьба на выбор Никиту или пять кило хороших кофейных зерен, она вцепилась бы во второе. Уточнив, что лучше бы не сразу все пять кило, а по килограмму на пять дней, а то хранить его не так-то просто, когда живешь под постоянным сырым ветром с моря. С залива то есть.

– Никто мне не нравится особо, – подытожила она промелькнувшие перед глазами кадры из жизни.

– Говорят, мы, ведьмы, все такие, – беззаботно, может, чуточку слишком беззаботно сообщила Лиза. – Как бы со стороны наблюдаем за жизнью. Чужие судьбы читаем, а свои нет. Потому что в любой момент, если заиграешься, придет к тебе мыкарь. И конец.

– Кто придет? – Обилие новой информации начинало напрягать. Но вот это «придет к тебе кто-то-там, и конец» стоило того, чтобы еще поднапрячь мозги.

– Мыкарь, – повторила Лиза. – Слушай, давай это тебе разъяснит кто-нибудь более... опытный, чем я, ладно? Попозже, как с наставниками тебя познакомлю. Хорошо? А сейчас давай выбирать, а то у меня действительно есть кое-какие планы на сегодня.

– Давай, конечно. Только я не знаю как.

– Я тебе покажу, не переживай. У тебя, конечно, свой собственный способ, но... короче, смотри!

И непонятно откуда Лиза извлекла нечто, похожее на тонкую трубочку. Тоже рыже-вато-коричневое, как она сама с головы до ног. Потом запустила руку в карман (карманов видно не было, но, судя по всему, на штанах Лизы они были), вытащила кулак и разжала пальцы. На ладони оказалась щепоть порошка. Тоже коричневого, кто бы мог подумать, угу.

– Корица? – Сашка принялась.

– Ага, – кивнула Лиза и ловко прихватила кончик трубки губами. При шершавой поверхности и полной бесчертности лица это смотрелось как в страшноватом старом-престаром мультике. Второй конец трубки нырнул в корицу. Вдох... трубка взметнулась вверх, неярко сбликовала. Выдох. Коричное облако вылетело в кофейную атмосферу коридора.

То ли Лиза как-то по-особому выдыхала, выдувая это облако, то ли кофейные потоки делали свое дело, но коричное облако мгновенно приняло форму кольца. Кольцо завертелось, увеличилось и надвинулось на девчонок.

– Руку давай, – скомандовала Лиза. Сашка послушалась и в следующую секунду поняла, что вместо кофейных потоков вокруг заструился прохладный воздух. Самый обычный. Она заморгала – глаза привыкли к неяркому освещению коридора, а в комнате Лизы горела аж тройная лампа, да еще и дневного света. Она не просто разгоняла полумрак комнаты, выходящей окном в двор-колодец, но наверняка делала это самое окно похожим на фонарь маяка. Саша огляделась. Комната была довольно длинной и узкой, но уютной – со светлыми стенами, яркими подушками на диване и спавшим среди них рыжим котом. И особенно с коллекцией глиняных чашечек и турок на нескольких полках. Кофейные посудинки были слеплены из глины всех оттенков рыжины, и только некоторые из них – обожжены. И ни одна не расписана, не покрыта глазурью. Только материал, как он есть.

– Жалко расставаться с запахом, когда кофе уже допит, – сказала хозяйка комнаты, явно проследив за взглядом гостьи, – а необоженная посуда, да еще глиняная, очень долго его держит. Но у нас не пустыня, а наоборот. Поэтому хочешь-не хочешь, приходится их мыть. Чтобы не заплесневели. А сушить вообще катастрофа. Но я справляюсь.

– А я просто какие попало чашки собираю, – сообщила Сашка, – какие в витрине понравятся. Или на развале – у бабушек, или у настоящих старьевщиков-антикваров.

И засмеялась, поглядев наконец на Лизу.

Нет, вид новой приятельницы не был смешным или дурацким. Сама Сашка в своих вечных толстых свитерах с вырезом выглядела бóльшим фриком, хоть и бóльшей модницей при этом. Просто Лиза, одетая в широченные штаны карго и толстовку с короткими рукавами, но с капюшоном, вызвала желание улыбаться. От одного взгляда на нее становилось радостно.

Курносую – как Саша и предположила – с глубоко посаженными глазами, пухлыми щеками и губами Лизу никто не назвал бы красавицей. Но от ее коротких золотисто-рыжих кудряшек, редких крупных веснушек и выражения веселого удивления на лице в комнате словно зажглась дополнительная лампа. Причем не электрическая, а скорее фонарь со свечой. Очень-очень яркой.

– Ух ты, какая ты красотилица, – выдохнула в свою очередь Лиза, тараша на Сашку темные глаза.

– Да ладно. – Сашка смутилась, но рыжая бесхитростно закивала:

– По тебе сразу видно, что ты не просто так девочка, а волшебное существо. Ну, в том смысле, что ты такая... – Она помахала руками вокруг себя, видимо, не сумев подобрать слова, какая же Саша «такая». Зато для описания повседневных дел у нее слов нашлось более чем достаточно.

– Слушай, Саш, я же не пошутила. Я собиралась по магазинам пробежаться. – И уточнила: – Не по кофейным, а по шмоточным. А то дорогие мама-папа с меня строго затребовали хотя бы раз в неделю платье надевать. Типа, большая выросла... в общем, ты извини, но если ты не хочешь со мной за компанию пойти, то я напою тебя кофе и буду выпроваживать. Ну, в смысле... ты такая шикарная, что по распродажам эконом-класса не захочешь, наверное.

– Ой, ну ты что, Лиз, совсем комплиментами завалила...

А Лиза вдруг прервала свой восторженный монолог и совсем утопила в прищуре глубоко сидящие глаза.

– погоди... Свитер на тебе как из рекламы. Ой! Ой-ой-ойечки! Ты же Амарго сказала, что твоя фамилия Фербер. А-аа! Не может быть! Алекс Фербер! Он твой – кто? Папа? Брат? Дальний родственник?

– Э-эээ... Дедушка.

– Что?! Быть не может! Он что, такой старый?

Сашку разобрал смех и от этой бури эмоций, и от потрясающей логичности суждений.

– А что, если папа, то недостаточно старый? Или тебе нравятся парни вот прямо настолько старше?

Теперь настал Лизин черед краснеть. Она приняла точь-в-точь оттенок как у большинства предметов в ее глиняной коллекции.

– Ну уж, нет, ты что! Шмотки отдельно, парни отдельно, – решительно заявила она. – Я просто удивилась. Вроде дедушка, а сам передовой модой занимается. У меня даже снуд есть «Алекс Фербер», девчонки в школе чуть не умерли, как увидели.

Рыжий кошак, неслышно спрыгнув с дивана, оказался рядом и принялся обнюхивать Сашин свитер, словно размышляя, оставить гостью или гнать в три шеи. Саша погладила кота и пожала плечами.

– Ты не подумай, что я нос задираю, или что-то в этом роде. Только я по магазинам с тобой не смогу. Домой надо, пока дед с ума не сошел от страха. Он уже наверняка хватился меня. А у меня с собой телефона нет. И если вдруг начну ему звонить с твоего номера, то есть, считай, незнакомого, то только больше напугаю.

– Да-а, – протянула Лиза, – ну, хорошо, что ты хотя бы не босиком. А то явишься такая в чужих ботах, да еще здоровенных. У меня сороковой размер, прикинь? И у меня есть жетончики для метро, повезло тебе!

– Да у меня есть деньги. – Сашка вспомнила про сунутую в карман пятитысячную купюру, полученную от утренней клиентки. И еще мимоходом порадовалась, что действительно нацепила туфли-балетки, чтобы встречать клиентку не в тапочках.

– Ну и нечего тратиться, если можно на халяву прокатиться, – мудро возразила Лиза. – Ой, да жмись ты так! В следующий раз меня на метро прокатаешь. Чего ты такие глаза сделала? Мы с тобой почти подружились. А у меня подруг нет, так что я такой везухой раскидываться не буду. Ты не подумай, я не из-за деда твоего. Скорее из-за того, что ты ведьма и я ведьма...

– Кстати, ведьма, а что ты такое сделала с корицей и трубочкой? Так ведь рисунки поверх пены наносят. Мишек там, сердечки всякие. Я сто раз видела, но сама не пробовала.

– А мне очень нравится. Я еще, знаешь, что делаю? Кофе перемалываю совсем в пыль и добавляю к корице. Можно имбиря молотого или даже перца. Но это чисто для себя, никто другой этого просто не чувствует.

– И что, прямо рисуешь?

– Ну да, поверх пены, – закивала Лиза, трясая кудрями. – Сейчас сама увидишь. Для меня это как бы... ну... сакральное действие, не могу ничего непафосного подобрать. И это мой ключ от лабиринта кофейных коридоров. У тебя тоже есть. Постарайся вспомнить, что ты сделала, перед тем как коридор открылся и втянул тебя.

– Да ничего. – Сашка задумалась. – Чашку разбила... потом феи. Потом... ох! Я начала кофе варить и стихи...

– Стихи?

– Ну, не совсем. Так, рифмовочки. У меня часто так бывает. Варю кофе или гадаю, а слова сами на язык лезут.

Лиза вытаращила глаза. Они оказались темно-серыми, почти черными.

– Вот повезло мне! – воскликнула она. – Впервые в жизни обзавелась подругой и сразу такой, которая меня превосходит во всем на целую голову. Са-аш, надо к наставникам, причем срочно. Давай сегодня вечером, а? Или завтра? Или послезавтра после школы?

Ох, Лиза, подумала Саша, ты удивись, когда обнаружишь, что лучше всего твоя новая подруга умеет сливаться со стеной, прикидываться ковриком, играть в невидимку и мычать вместо того, чтобы с людьми разговаривать. И тут она точно фору даст кому угодно. Стоп-стоп... подруга? ПОДРУГА, или послышалось?

Она сглотнула счастливый комочек в горле. Странно... такие разные чувства – радость и грусть – рожают настолько похожие физические ощущения.

– Лиз... – выдавила она, – не хочу я торопиться с этими самыми наставниками. Я хочу сначала сама. Ну, в смысле, не понять, так хоть почувствовать все это ведьмовство. Я же там ничего не сломаю, в коридорах?

Лиза покачала головой, кудряшки разлетелись в стороны. По комнате уже расплзлось облако кофейного аромата.

– Главное себя там не сломай. Ну, в смысле, не пострадай. С веяниями поаккуратнее. А в остальном ты в своем праве, даже если... неважно. В общем, как захочешь, так и отведу тебя. И ты, если что, не бойся. Они занудные, но хорошие. На диван падай, вот сюда к столу поближе.

Сашка кивнула, подчинилась и приняла из Лизиных рук глиняную чашку, похожую на любительскую самоделку. Поверх плотной молочной пены расцвечал удивительной красоты коричневый цветок – то ли роза, то ли пион. Ну вот, хотелось посмотреть, как Лиза его рисует, но заболталась и упустила. Впрочем, нестрашно. В следующий раз, когда придет в гости, попросит подругу продемонстрировать «сакральное действие».

Кот потянулся мордой к пене, даже усами задел. Расфыркался, отбежал.

– Диктофончик, ты балбес, – сказала Лиза.

Кот не отозвался. Если не считать за реакцию то, что он сел, отвернулся к двери и принялся вылизывать переднюю лапу.

– Как ты его назвала?

– Диктофон. Причем прикинь, я его так назвала задолго до того, как вот это вот все ведьмовство началось. Он взрослый котик, пять лет уже.

– И он же твой фамилляр? Ну, с которым толком не поболтаешь?

– Точно! Но он все равно полезный, иногда не хуже твоих феечек. Хочешь, покажу?

И, не дожидаясь Сашкиного согласия, Лиза поставила чашечку на стол и стремительно, чуть не уронив стул, метнулась к коту. Села рядом, погладила, под подбородком пощекотала.

– Диктофо-ончик, – протянула она умильно, – будь хорошим фамиллярчиком, покажи гостье-ведьме, что ты у меня умеешь. Какой ты у меня талантливый, умный, замечательный котище! Ну, пожалуйста!..

Дал ли кот согласие, Саша не поняла. Ну, и ладно. Главное, что Лиза поняла: она перестала наглаживать свою зверюгу и резко постучала кулаком по полу.

– Я пока занята! Уроки доделала, читаю дополниловку по истории, – сообщил кот Лизиним голосом с восклицательными интонациями. – Дайте зубрилке дозубрить, а потом уже кормите, ага?

Саша вытаращила глаза. Кот смотрел в сторону, но все равно было ясно, что он приоткрывал пасть. А Лиза заранее обернулась к гостье, и было понятно, что она-то как раз молчит. И даже не чреовещает – в такой узкой комнате было совершенно ясно, расположен ли источник звука на полметра правее или левее. Так вот, источником звука тут однозначно был кот Диктофон.

– С ума сойти. – Саша скосила глаза на феек-кофеек. Те вольготно расселись вдоль края стола и свесили ножки, а теперь еще и аплодировали собрату-фамиллярю. – Официально заявляю: я за сегодняшнее утро наудивлялась на всю оставшуюся жизнь. Теперь меня ничем не проймешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.